

Личность врача в медицине ¹⁾.

Проф. В. Л. Боголюбова (Казань).

Уважаемые товарищи! С чувством невольного смущения вступаю я на эту кафедру в славный день 60-летия Казанского Общества Врачей, в течение долгих десятилетий служившего высоким задачам развития врачебной науки, интересам врачей и врачебному делу в нашем крае. Я смущен как высокой честью, возложенной на меня произнесением речи в настоящем собрании, так и некоторой необычностью и трудностью предлагаемой темы, заранее сознавая всю слабость своей попытки представить Вам в должной полноте и ясности освещение вопроса о личности врача в медицине.

В седой глубине веков теряется начало нашей науки, ряд долгих тысячелетий насчитывает она... Несомненно, что искусство лечения больных, искусство врачевания гораздо старше, чем сама медицина в нашем современном понимании. Врожденный инстинкт врачевания, врожденный лечебный инстинкт заложен уже самой природой не только в существо человека, но он имеется также и у животных. У наших первобытных предков этот инстинкт уже очень рано привел к созданию примитивных зачатков врачебного искусства, вызванных необходимостью жизни, так как первобытный человек с самого начала своего существования на земле столкнулся с неизбежностью оказывать примитивную помощь себе и другим людям при повреждениях, родах и болезнях. Таким образом медицина имеет своим происхождением естественный, биологический инстинкт самозащиты, заложенный уже самой природой в существо человека, поставленного внешними условиями жизни в необходимость бороться с повреждениями и болезнями, и представляет поэтому род человеческой деятельности, не созданный искусственно вместе с процессом развития человеческой культуры, но вызванный в своем первичном существовании биологической необходимостью.

Развившаяся из естественного врожденного лечебного инстинкта и выросшая во врачебное искусство, медицина в течение тысячелетий преследовала одну задачу, имела одну цель—лечение больного человека. Так определялась основная задача медицины, главная задача деятельности врача у всех народов и во все времена—еще с Гиппократа, у которого говорится: „Врач имеет только одну задачу—лечить“. Тем самым понятие медицины в течение целых тысячелетий отождествлялось с понятием врачебного искусства, имеющего одну задачу, одну цель—лечение больного человека,—цель, к которой должно было в медицине все стремиться и около этой цели вращаться. Вместе с тем, другим необходимым элементом, неразрывно связанным с медициной, как с врачебным искус-

¹⁾ Речь, произнесенная на торжественном заседании Общества Врачей при Казанском Университете в честь его 60-летия 17 января 1928 г.

ством, являлась личность врача, которая играла в течении длинного ряда веков первостепенную роль. Личные свойства врача, его личное искусство, врачебная одаренность, искусство индивидуального понимания больных, индивидуального распознавания и лечения, понимание психики больного и широкое воздействие на нее—были хорошо известны старой медицине, старым врачам, отводившим личности врача первое место в искусстве врачевания. И отдельные времена, отдельные народы далекого прошлого оставили нам навеки такие имена врачей, такие имена людей с ярко выраженной врачебной личностью, равных которым не знает или почти не знает ни более новая, ни современная медицина.

Возникшая таким образом с первобытных времен существования человека на земле, воспринявшая далее в своем длительном историческом развитии вековую накипь грубого эмпиризма, шарлатанства, мистицизма, окруженная только весьма медленно освобождалась от приставших к сущности ее наслоений и только в XIX веке начала приобретать научно-биологическую основу, оказавшую, вместе с общим прогрессом науки и техники, громадное влияние на ее развитие. Излишне распространяться здесь о тех успехах, которые достигнуты в области медицины за ряд последних десятилетий. Неисчислимое количество открытий и знаний, бесчисленный ряд технических усовершенствований, колоссальный инструментарий и аппаратура—вот те средства, которыми располагает современная медицина. Казалось-бы, что настоящее время медицина достигла такого уровня своего развития, о котором трудно было и мечтать, а грядущее будущее сулит еще более блестящий прогресс техники и науки. Однако, если научно-биологическое направление современной медицины и огромные научно-технические достижения произвели в ней громадный переворот и содействовали чрезвычайно успешному ее развитию, то нельзя не сказать, что те же моменты послужили и причиной крупных недостатков, которые присущи современной медицине.

Естествознание, явившееся основой современной научной медицины, способствовало перенесению чисто-естественнонаучных взглядов и в медицину, причем сама медицина стала рассматриваться, как наука, ее задачи—как задачи научные, объект медицины, человек,—как объект науки, а методы исследования и изучения больного человека стали приравниваться к методам изучения и исследования, принятым в биологии. Подобное стремление рационализировать медицину, больного человека и методы его изучения только под углом естественнонаучных воззрений не может, однако, соответствовать ни сущности медицины, ни ее задачам. Задачи медицины—не задачи науки, медицина, как таковая, вовсе не преследует, как чистая наука, познание научной истины вне зависимости от ближайших целей и обстоятельств, вне зависимости от времени, так как медицина имеет непосредственную цель—деятельность врача, направленную на лечение больного человека. Научные знания здесь—прежде всего только средства, которыми врач пользуется для разрешения своей ближайшей задачи—лечения больных. Хотя медицина и представляется неразрывно связанной с наукой, но не может рассматриваться только как наука, ибо в своем понятии и реальном осуществлении она содержит элементы искусства и ремесла. Медицина представляет вполне оригинальный, совершенно своеобразный вид человеческой деятельности, хотя и

имеющей много общего с наукой, искусством и ремеслом, но отличающейся от всех их в своих конечных целях—лечении больного человека. Вместе с тем и врач не есть ученый, научный исследователь, он также не есть только художник и техник, но именно врач, имеющий непосредственной целью своей деятельности не объект науки, не механически конструированную машину, но человека во всей сложности его соматической и психической жизни. Вместе с тем методы исследования и изучения больного человека не могут приравниваться вполне к методам научным, чисто-биологическим методам исследования, так как наука имеет дело с объектами, а практическая медицина—с индивидуумами. Наука, как таковая, не имеет и не может иметь дела с индивидуумами. Еще Аристотель вполне точно определил, что „объект науки—подобные друг другу случаи с точки зрения того, что в них общего“. Только в медицине применяется требование индивидуализировать больных, видеть в больных не только объектов, но и субъектов,—не только безличных носителей различных признаков болезни, но индивидуумов. Таким образом то, что составляет общее между больными—их болезни, может быть предметом научного исследования, но сами больные, как индивидуумы, не могут составлять предмет науки. Отсюда вполне понятно, что медицина, поскольку она стремится к постижению своих больных, а не болезней, выходит уже из рамок науки, она уже здесь—не научная дисциплина, а искусство, и способы постижения, понимания больных, как индивидуумов, здесь совершенно иные, чем те, которые применяются при научном исследовании. Поэтому деятельность врача у постели больного не может быть построена только на законах науки, на законах биологии, и одни научные знания не являются еще мерилом успеха врачебной деятельности, для продуктивности которой необходимо еще нечто, неразрывно связанное с личностью врача.

Не может быть, конечно, и речи о том, чтобы врач мог пренебрегать успехами науки и техники или их отвергать. Это было бы равносильно тому, как если бы сейчас выйти на охоту с первобытным оружием. Но, с другой стороны, и современное усовершенствованное оружие еще само по себе никого не делает готовым охотником так же, как наука и техника еще никого не делают готовым врачом, для чего нужны еще известные личные качества. „Действительно-ли,—говорит один из наиболее ярких критиков современной медицины, немецкий хирург Liek,—действительно-ли человек, который обладает всеми вышеприведенными техническими средствами, тот врач, который заведует целым домом машин, действительно-ли это есть лучший врач? Приносит-ли он больному больше пользы, чем скромный деревенский врач, который, может быть, имеет в своем распоряжении только термометр и стетоскоп, но богатый опыт, острое соображение, светлый ум и теплое сердце?“ Между тем в современной медицине наблюдается все прогрессирующая переоценка научно-технических знаний, которые во всяком случае еще не составляют сущность врачебного искусства и сущность врача. Следует всегда помнить, что медицина, кроме своей научно-технической стороны, включает еще очень важную часть—личные индивидуальные качества врача. Современный прогресс научно-технических знаний, ведущий к дроблению медицины на все более и более мелкие специальности, отодвигает на задний план личность врача во врачебной деятельности, заменяя ее бесчисленным

количеством лабораторных, рентгеновских и других исследований, без которых специалист, все более суживающий свою компетенцию кругом методов своей специальности, обойтись не может. Вместе с тем исчезает понимание больного во всем его целом, больной является связанным с лечащим врачом только небольшой цепью симптомов данного специального заболевания, заменяясь сложной алгебраической формулой всяких индексов, снимков, таблиц, отдельных заключений и т. п., — формулой, в которой надлежит подставить только найденные величины и рациональным путем определить неизвестное. Врачебное искусство, преследующее свою непосредственную и единственную цель — пользу и лечение больного и составлявшее принадлежность старой медицины в лице ее лучших представителей, в настоящее время падает и постепенно отходит назад перед успехами техники и науки, которые занимают сейчас в медицине доминирующее место. Вместе с тем отступают на задний план личность врача и личность больного, всегда индивидуальная, всегда меняющаяся и требующая для своего постижения и единственно-целесообразного, индивидуального лечения не только техники и науки, но и личного искусства врача. Переоценка в современной медицине научно-технических достижений, желание и стремление все механизировать — механизмирует личность врача и больного, отнимая от них главные необходимые элементы врачебного искусства — индивидуальность врача и больного, отводя нередко первое место интересам научным и техническим и ступеывая, отодвигая на задний план непосредственную задачу медицины — интересы, пользу больного, его лечение.

По отношению к отдельным специальностям подобное расхождение между научно-техническими и врачебными задачами современной медицины особенно рельефно наблюдается сейчас в хирургии, где весьма ощутительным образом дают себя знать переоценка научно-технических достижений, грубое механическо-материалистическое мышление, совершенно не считающееся или мало считающееся со сложной функцией органов и нервно-психической жизнью больного, потеря способности к врачебному мышлению, узость взглядов и пр. „Это как раз то, — говорит Лёк, — что многим нашим нынешним руководителям ставится в упрек: узость их взглядов, ограниченная ножем и некоторыми изобретенными ими специальными инструментами, пренебрежение к психическим и отвлеченным явлениям, отсутствие мирозерцания, безграничная переоценка т. наз. „чистой“ науки, презрение к инакомыслящим“. Если бы хирурги были несколько более философами, — требование, которое предъявлял еще Гиппократ к каждому врачу, — то наверное они были бы более скромны и терпимы. „Половина больничных коек могла бы быть предоставлена для других целей, половина бумаги осталась бы неисписанной, если бы наши большие хирурги решились снова врачебно мыслить и не лечить ножем всякого рода неврозы“.

Медицина всегда имела своей целью лечение больных, а не болезней, медицина всегда считалась прежде с индивидуальными особенностями больных, для понимания которых и целесообразного лечения нужно было врачебное искусство, не ограниченное только знаниями и техникой, но стремящееся к глубокому индивидуальному пониманию организма и психики больного. Современное же научно-техническое направление в медицине содействует распространению взгляда, особенно

среди молодых врачей, что для врачебной деятельности требуется только обладать известной суммой медицинских сведений, знать сотню реакций, иметь в своем распоряжении рентгеновский аппарат и владеть специальной техникой. Личность врача, его личное медицинское мышление, индивидуальное понимание больного—отходят на задний план, а вместе с тем отходят на задний план и интересы больного, заменяясь шаблонным, рутинным применением технических приемов, в которых видят нередко начало и конец всей врачебной мудрости. Современная медицина теряет и уже в значительной степени потеряла свою главную сущность—врачебное искусство, искусство понимания, индивидуализации больных, потеряла свою непосредственную и главную цель—индивидуальное лечение больного. Современная медицина потеряла свой путеводный маяк, свой путеводный компас и, как корабль, несомый волнами и потерявший свое направление в бурном море, несется по безбрежному и бурлящему морю человеческой жизни.

Из всего сказанного понятно, что врачебная деятельность не может быть приравнена к деятельности научного исследователя, потому что цели и методы ее во многом отличаются от целей и методов науки. Так как предмет деятельности врача есть больной, индивидуум, понимание и целесообразное лечение которого возможно только при индивидуализации его,—от врача требуется не только запас научных сведений и технических навыков, но еще многое, связанное с личностью врача.

В практической медицине уже давно выработалось требование—индивидуализировать больных, лечить больных, а не болезни,—требование, которое, надо сказать, при современном научно-механическом направлении медицины все более и более забывается. Между тем в искусстве распознавания и лечения больных индивидуализация играла и должна играть громадную роль.

Способность индивидуализации больных есть личное свойство врача, не находящееся в зависимости от количества имеющихся у него научных знаний. Индивидуальные свойства больных нельзя постигать, как болезни, теми же психическими процессами, какими постигаются все вообще явления и предметы внешнего мира, так как больные, как индивидуальности, постигаются иначе, чем болезни. Способность индивидуализации больных есть уже художественное постижение индивидуального, есть искусство, для изучения которого, как и для изучения искусства вообще, нужны другие приемы, чем методы научного исследования. Индивидуальность больных постигается т. наз. интуицией, так как интуицией постигается именно то, что отличает данного больного от других, что создает индивидуальность. Хороший клиницист знает не только исследованные им болезни, но и своих больных, потому что в душе его остаются психические образы объективных отдельных существований, что составляет область интуиции. Поэтому интуиция имеет громадное значение в деятельности врача, составляя одну из важнейших сторон его личности и вместе с тем неотъемлемое качество всякого хорошего клинициста. Нельзя быть хорошим клиницистом, не владея интуицией, так как без нее, владея одним только рассудком, врач не может постигать индивидуальность и будет лечить болезни, а не больных. Иными словами говоря, интуицию можно сравнить с художественным чутьем, художественным проникновением, позволяющим художнику иногда сразу

схватывать в портрете того или другого лица те его индивидуальные свойства, которые совершенно не замечаются другими людьми, давно окружающими это лицо, давно хорошо знающими его и, может быть, гораздо более умными и образованными, чем художник, рисовавший портрет, но лишенными одного...—дара постижения индивидуального, дара художественного проникновения. То же самое наблюдается и в медицине. Хорошие врачи-клиницисты всех времен, всех стран всегда обладали этим даром постижения индивидуального, хороший клиницист всегда был и есть художник, и, как художник, он схватывает ядро личности.

Значение способности индивидуализации больных, обладания даром интуиции в медицине огромно. Каждый врач, конечно, может применять выработанные наукой истины в соответствующих случаях и потому каждый, изучавший медицину, может лечить болезнями, делать операции и т. д. Но не каждый может быть хорошим клиницистом и лечить больных, а не болезнями, как это необходимо во многих случаях. Определение лишь только болезни не исчерпывает еще распознавания больного, так как понятие о больном не тождественно с понятием о болезни. Болезнь есть только отвлеченное понятие, есть фикция, реальностью же является только сам больной, а не болезнь. Поэтому при распознавании должен подвергнуться исследованию сам больной во всем его целом, как реальное индивидуальное существо, а не как безличный носитель того понятия, которое называется болезнью. Болезненный процесс нельзя сравнивать с повреждением машины, причины нарушения действия которой могут быть определены с вполне точной физической ясностью. Человек не может рассматриваться, как механически конструированная машина, но как индивидуальная единица, состоящая из бесконечно-многих, гармонически сочетающихся и гармонически функционирующих бесконечных разнообразий. Поэтому и те возможности, которые могут возникнуть из взаимодействия производящих болезнь вредностей и индивидуальных свойств людей, в высшей степени изменчивы в своей сущности, и оценка их не может исчерпываться только определением понятия болезни. Остается всегда еще много другого, что не охватывается и не постигается этим понятием, но возможно только путем интуиции. Интуиция, как способность постижения индивидуального, как способность понимания больных, позволяет схватывать в личности больного такие индивидуальные свойства и черты, которые не могут быть определены методами объективного исследования. Благодаря интуиции, хороший клиницист часто настолько верно схватывает сущность больного организма, что ему не всегда и нужны эти методы объективного исследования, или они играют для него только второстепенную, вспомогательную роль.

Огромное значение имеет личность врача также в процессе лечения больного человека. Врач, в силу уже своего положения, занимает такое место по отношению к больным, что они, повинувшись бессознательному принуждению, должны ожидать и получать от врача известное психическое, психотерапевтическое воздействие. Короче говоря, каждый врач является психотерапевтом, и не потому, что он этого хочет, а потому, что этого хотят больные. Психотерапия, хотя во многих случаях совершенно бессознательная, является одним из главных видов лечебной деятельности врача, где личность врача ярко выступает на первый план

и может оказать огромное влияние на больного. Больные часто прибегают к помощи врача не потому, чтобы было нужно или возможно лечение тела, но для того, чтобы врач помог пациенту и его семье изжить связанные с болезнью негативные аффекты: боязнь, ипохондрию, заботу, неопределенность, безнадежность. Большую часть всех предписаний диеты и прописанных лекарств требуют от врача для того, чтобы иметь сознание оказанного судьбе противодействия, чтобы выйти из парализующего чувства бессилия, чтобы достигнуть в неверной игре хотя-бы некоторых шансов на выигрыш и поддержать в себе сознание борющегося человека, еще не побежденного судьбой. Вересаев в своих „Записках врача“ говорит следующее: „Больной излечивается не только лекарствами и назначениями, но и душой самого больного: его бодрая и верящая душа—громадная сила в борьбе с болезнью, и нельзя достаточно высоко оценить эту силу“... „Турецкий знахарь-ходжа назначает больному лечение, обвешивает его амулетами и под конец дует на него; в последнем вся суть: хорошо излечивать людей способен только ходжа с „хорошим дыханием“. Такое же „хорошее дыхание“ требуется и от настоящего врача. Он может обладать громадным распознавательным талантом, уметь улавливать самые тонкие детали действия своих назначений, и все это остается бесплодным, если у него нет способности покорять и подчинять себе душу больного“.

И действительно, история медицины дает нам бесконечный ряд примеров того, что врачебное искусство с первых времен своего возникновения и во всем дальнейшем своем развитии чрезвычайно тесно и разнообразно переплеталось с различными—и грубыми, и более утонченными—способами воздействия на человеческую душу. Несомненно и то, что врачебное искусство в своем первобытном и историческом развитии впитало в себя, да и по самому своему существу до сих пор содержит в себе значительный элемент того, что, грубо выражаясь, можно назвать „колдовством“. Но колдовство это в современном нашем понимании не заключает в себе, конечно, ничего ни мистического, ни чудесного, ни отрицательного,—это есть вполне понятное психотерапевтическое воздействие врача на больного. И следует сказать, что эта способность производить психическое влияние на больного, уметь вникать в душу больного и подчинять ее в той или иной степени своей воле должно считаться одним из необходимейших и важнейших личных качеств врача. Не говоря уже о том, что психическое воздействие, как известно, во многих случаях действует не только благотворно, но даже могущественно и поразительно на больных уже само по себе, оно, кроме того, обеспечивает точное исполнение больными всех нужных предписаний врача.

Надо сказать, далее,—и это, может быть, самое важное,—что психическое воздействие врача на больного не ограничивается только положительными результатами этого влияния, но,—чему, к сожалению, нас учат повседневный опыт и жизнь,—несравненно чаще мы имеем дело с отрицательным психотерапевтическим воздействием врачей на больных. Врач совершенно невольно, совершенно не учитывая производимого им психического влияния на больного, причиняет ему не только вред недуманными словами и неосторожными приговорами, но может своими неосторожными словами создавать у своих пациентов новые болезни,

являясь таким образом возбудителем болезней. Мы, врачи, слишком мало знаем психологию, в частности психологию больного человека. Благодаря этому у нас сложился неправильный и неверный взгляд, что больному человеку можно повредить только делом—неправильным назначением лекарства, лечения, неправильно сделанной операцией или перевязкой. Мы часто совершенно забываем и не учитываем того, что больному можно повредить словом. А сколько этих слов, неосторожных и необдуманных, произносится каждый день! Сколько этих слов разрушает у наших больных и надежду, и веру, которую они несут к врачу, сколько этих слов отталкивает больных от врачей! Психическое воздействие на больного, вообще говоря, очень мало учитывается врачами в их повседневной практике. А между тем значение психотерапии не только в медицине вообще, но и в хирургии, огромно, и кажется странным, что так мало об этом говорится, и так мало мы об этом слышим. Кто из нас слышал в клиниках что-нибудь о психологии больных, страдающих соматическими заболеваниями, в каких клиниках нам уясняли все важное значение психотерапии при внутренних и хирургических заболеваниях? Мы этого не слышали и не слышим, или почти не слышим.

Но, если личные качества врача, как способность постижения индивидуального, интуиция, умение оказывать благотворное психическое воздействие на больного, умение поддерживать в больном бодрость и веру, одушевление больного, наблюдательность, умение обращаться с больным,—если все эти индивидуальные свойства врача играют, несомненно, громадную роль во врачебном искусстве, то, конечно, все эти свойства могут получать свое полное, гармоничное сочетание и успешное развитие только при правильной научно-технической подготовке врача. Лучшим врачом всегда будет тот, кто соединяет в себе и личные качества, и науку, и технику, что, к сожалению, редко встречается в жизни. Между тем существует тот регулятор, который может и должен уравнивать как специальную научно-техническую, так и персональную сторону личности врача в его деятельности. Таким регулятором является гуманность, представляющая девиз и основу всей медицины, дающая направление всей врачебной деятельности. И эта гуманность заключается в немногих словах: „лечи больного так, как хочешь, чтобы лечили тебя самого“. В этих простых и кратких словах заключается вся врачебная этика, а одновременно с этим—основное условие всякого врачебного успеха, в этих словах—вся мудрость и величие врачебного искусства, тот конечный пункт, к которому должны стремиться как научно-техническая, так и персональная сторона личности врача в его деятельности. Гуманность есть тот тормоз, который должен удерживать врача от переоценки и увлечения научно-техническими достижениями у постели больного, напоминая ему, что он должен смотреть на больного не как на объект научно-технических достижений, а как на человека в полном значении этого слова, и принимать во внимание не только чисто-соматическую, но и психическую жизнь своего пациента. Гуманность есть то, что должно сдерживать богато одаренного от природы врача пользоваться без всякой научной проверки своей интуицией и делать больного предметом терапевтических капризов и игрой своего воображения. Гуманность есть та конечная связь, которая соединяет и

науку, и технику, и личные качества, сливая их в одно единое и нераздельное целое, единый великий и прекрасный образ врача, высшей основной деятельности которого является любовь к людям.

Но с нашей стороны было бы излишней самонадеянностью пытаться начертать здесь, хотя бы в самых общих чертах, многосторонний и многогранный образ врача. Швейцарский врач *Sondereger*, несколько десятков лет тому назад, в следующих словах пытался набросать подобный идеальный образ: „На земле нет ничего более высокого и прекрасного, чем человек. Он есть самая трудная и возвышенная задача мысли и дела,—его рождение и смерть, его жизнь и страдания— все это в высшей степени замечательно и трогательно. Зоркие глаза и чуткие уши должен иметь у себя, большой талант наблюдательности и терпение и вновь терпение к бесконечному учению, ясную критическую голову с железной волей, которая крепнет в нужде и все же теплое, отзывчивое сердце, которое понимает и сочувствует каждому горю... нравственную строгость, которая господствует над низменными желаниями, деньгами и почестями, вместе с тем подобающий внешний вид, такт в обхождении (с больными) и ловкость в пальцах, здоровое тело и душу,—это все ты должен иметь, если не хочешь быть неудачным или плохим врачом. Ты должен нести тяжесть многих знаний и сохранять свежесть поэта, ты должен понимать все уловки шарлатанства и при этом оставаться честным человеком. Медицина должна быть твоей политикой и религией, счастьем и несчастьем“. „В нем (т. е. во враче),— говорит известный германский врач *Schweninger*,—соединяется мужество воина и мягкость исследователя, бесстрашие государственного деятеля с величием победителя, отсутствие страха перед смертью..., нежность матери, мудрое понимание жизни, размах поэта... Нечто из всего этого должно иметься у каждого, и то дело, в которое вложено что-нибудь из всего этого, должно доставлять удовлетворение, которое человек получает из своей работы“. Конечно, нельзя не добавить к этому, что каждое время имеет своих врачей и свои идеалы, врачи суть дети своего времени, врачи являются точным отражением современного им строя общества и носят, несомненно, отпечаток всех его хороших и дурных сторон. Но мы полагаем, что в многосложной личности врача есть две стороны—одна сторона, изменяющаяся под влиянием времени и общественного строя, другая сторона—вечная и постоянная, неразрывно связанная с неизменной, вечной сущностью врачебного искусства. И для нас несомненно, что эта сторона личности врача всегда имела и должна иметь огромное значение для успешности и продуктивности его лечебной работы. Для нас несомненно и то, что в современной медицине, гордой и богатой своими научно-техническими успехами, личность врача не должна игнорироваться и отодвигаться на задний план, а должна занимать подобающее место в искусстве врачевания. Для нас совершенно ясно и то, что только одной суммы научно-технических знаний и шаблонных медицинских навыков еще недостаточно для того, чтобы быть настоящим врачом. Нужны еще известные личные качества, составляющие то, что можно назвать призванием врача, что можно назвать врачебной одаренностью.

И невольно встает перед нами вопрос, откуда же берутся эти задатки и качества, составляющие то, что называется одаренностью чело-

века? Ответ на этот вопрос напрашивается сам собой,— задатки эти врожденные и могут передаваться по наследству. Однако,—и это весьма важно,—эти врожденные качества одаренности не представляют что то постоянное, неизменяющееся, сопутствующее человеку от рождения до смерти. Эти зачатки, эти качества могут развиваться, когда в окружающей среде находятся благоприятные стимулы, вызывающие их деятельность, когда эти врожденные качества упражняются. Таким образом и здесь, когда мы говорим о врачебной одаренности, как уже о вполне сложившейся стороне личности, мы должны различать в ней два основных фактора — внутренний врожденный и внешний, представляющий всю совокупность влияний жизненных условий. Отсюда целесообразное использование и развитие врожденных врачебных дарований должно было бы идти двумя путями — путем отбора лиц, имеющих врожденные врачебные задатки, и путем целесообразного развития этих задатков посредством воспитания, упражнений, из чего в конце концов могло бы получиться единое целое, а именно, личность врача, столь необходимая для успешной деятельности в области врачебного искусства.

Вопрос об отборе лиц, пригодных к известной профессии, представляет один из важнейших вопросов в жизни не только отдельных лиц, но и государства. Между тем выбор профессии врача, как и других высших профессий, определяется в настоящее время суммой самых разнообразных причин, среди которых главный и основной момент профессионального самоопределения — пригодность данного лица к той или другой профессии, обычно не играет никакой роли. А между тем этот факт имеет громадное значение. Так, мы знаем, что наша молодежь часто идет на медфаки и готовится к профессии врача, совершенно не обладая теми свойствами, каковые требуются для занятия этой профессией,—с неизбежностью, благодаря этому, для многих сделаться впоследствии совсем хорошими, а часто и плохими врачами. Нам прекрасно известно, что лицо, поступающее в высшую медицинскую школу, неготово к врачебной деятельности, так как для этой подготовки оно и поступает. Но мы хотим знать другое, а именно, может ли быть это лицо, при условии его правильной медицинской подготовки, хорошим врачом? Точнее говоря, мы хотим знать, имеет ли данный субъект те задатки и качества, которые составляют его пригодность, известную специальную одаренность, необходимую для занятия врачебной профессией. Мы здесь, именно, говорим не о тех исключительных врачебных дарованиях, врачебных талантах, которых, как и всяких талантов, всегда и везде очень мало,—мы говорим только об известных задатках врачебной одаренности, пригодности к врачебной профессии, которые встречаются несравненно чаще. Таким образом вопрос о создании личности врача, необходимой для успешного занятия врачебной деятельностью, неразрывно связан с вопросом о профессиональной пригодности человека и профессиональном типе врача. Эта проблема, проблема профессионального призвания или профессиональной пригодности человека, является как раз одной из тех проблем, научное разрешение которой ставится лишь в самое последнее время. Не имея возможности войти здесь в подробности этого в высшей степени важного вопроса, скажем только, что профессиональный профиль врача в значительной степени разра-

ботан рядом психо-техников—в работах Liermann'a, Ulrich'a, Baumgarten'a, Юровской и др. И те первые шаги, которые предприняты в данном направлении в настоящее время,—шаги, связанные, надо сказать, с весьма большими затруднениями,—намечают все же чрезвычайно важную проблему, разрешение которой, может быть, и очень нескоро, и проведение в жизнь—обещают и для отдельных лиц, и для медицины, и для государства самые благодетельные результаты.

Исходя из того положения, что врожденные врачебные задатки, как и вообще всякие врожденные задатки и качества, могут развиваться только при благоприятном влиянии окружающих жизненных условий среды, нужно воспитание этих задатков и тех индивидуальных свойств, которые столь необходимы для успешной врачебной деятельности. Если мы знаем, что такие индивидуальные качества врача, как способность постижения индивидуального, интуиция, влияние психического воздействия на больного, умение обращаться с больными, наблюдательность—представляются чрезвычайно важными для врачебного искусства и во многих случаях составляют залог успеха врачевания, то эти качества надо развивать соответствующим целесообразным воспитанием личности врача, что составляет первостепенную задачу медицинской педагогики. Если мы говорили раньше о врачебной одаренности, как об известной природной, чисто-эмпирической способности, то сейчас мы должны говорить иначе,—сейчас мы говорим, что врожденные врачебные задатки могут развиваться и улучшаться упражнением и образованием. Сейчас мы должны говорить о том, что задачей нашего времени является замена чисто-эмпирического искусства интуиции, психического воздействия и одушевления больных систематическим, сознательным, научно-обоснованным развитием этого искусства в личности врача. Этому искусству следует учиться, и, как всякому искусству, по крайней мере до известных пределов, ему могут научиться если не все, то многие, особенно имеющие задатки врачебной одаренности. И будущее, светлсе будущее медицины в области врачебного искусства мы видим не только в новых, грядущих научно-технических достижениях ее, но и в этом сознательном, разумном и систематическом развитии и воспитании врачебных задатков, в целесообразном воспитании личности врача, которая всегда была и будет неотъемлемым достижением успешности искусства врачевания.

И мы не можем не признать, что осуществление врачебных функций пред'являет к личности врача весьма сложные требования. Эти требования резко выделяют врачебную профессию среди других видов человеческой деятельности, придавая ей совершенно исключительный и своеобразный характер как в смысле высокой личной ответственности, так в смысле многосторонности и многогранности тех личных качеств, которые требует от врача его профессия.

Ни в одной деятельности человек не несет такой совершенно исключительной ответственности, как в деятельности врачебной, где высокоответственные задачи врача требуют от него не только научных знаний, но и высоких интеллектуальных качеств. И ни в одной деятельности человек не несет такой личной ответственности за несовершенства своей профессии, как в медицине. Психология людей, психология больных, как

во времена Гипократа и Галена, так и в наши дни по отношению к врачу осталась одна и та же,—они переносят недостатки и несовершенства медицины на самую личность врача, делая только ее, только эту личность ответственной за неуспех и неудачу лечения. История медицины с первобытных времен и по сие время пестрит многочисленными примерами, подтверждающими это. „Если врач,—гласит один из первобытных медицинских памятников,—произведет у кого-либо серьезную операцию бронзовым ножом и причинит больному смерть, или если он снимет кому-либо катаракту с глаза и разрушит глаз, то он наказывается отсечением руки“. По законам вестготов врач, у которого умер больной, немедленно выдавался родственникам умершего, чтобы они могли делать с ним, что хотят. „Врач некий немчин Антон,—рассказывают русские летописи,—врачева князя Каракуча, да умори его смертным зельем за посмех. Князь же великий Иоанн III выдал его сыну Каракучеву, он же, мучив его, хоте на окуп дати. Князь же великий не повеле, но повеле его убити; они свели его на Москву-реку под мост зимою и зарезали ножом, яко овцу“.

Излишне было-бы увеличивать перечень этих цитат, значение которых для личности врача, к сожалению, никогда не делается достаточно старым и анахроничным—вплоть и до наших дней. И нельзя не сказать, что тяжка и терниста твоя дорога, врач, в истории человечества, многострадален и тяжек твой путь. Но образ твой, великий и прекрасный, встает здесь перед нами. Это ты нес и свое личное счастье, и здоровье, и жизнь на благо людям. Ты погибал на полях брани, подавая помощь своим раненым братьям. Ты безропотно умирал при эпидемиях, честно исполняя свой великий долг врача и отдавая свою, часто молодую, только начинающуюся жизнь за жизнь и счастье других. Ты испытал на себе всю тяжесть нападков людского невежества и злобы... Печальный и дорогой образ твой сейчас здесь с нами, и дань глубокого преклонения перед тобой, перед твоими страданиями, прими от нас, наш товарищ!

Но, если тяжесть врачебной профессии так часто не сознается окружающими, то и самое слово „врач“ в понимании многих есть тот человек, деятельность и жизнь, думы и мысли которого ограничены только скальпелем и стетоскопом. А между тем жизнь и работа врача представляет одну из наиболее широких и углубленных форм человеческой деятельности. И это потому, что предмет его деятельности есть самое замечательное и удивительное, что существует на земле,—человек. Его рождение, жизнь и смерть, его организм и психическая жизнь, его прошлое и настоящее, взаимоотношения к природе и людям—все это входит различными путями, разнообразно переплетается и отражается в жизни и деятельности врача. Вот почему врачебная профессия требует широкого образования и широкого кругозора. Вот почему врачебная профессия есть широкое и многостороннее поле человеческой деятельности. Она есть—социология, поскольку человек и его заболевания составляют продукт жизненных условий и быта, она есть биологическая наука, поскольку человек есть одно из проявлений жизни природы, она есть искусство и, как искусство, близко соприкасается с другими выдающимися врачами всех времен, всех стран были мыслителями, философами, психологами, поэтами, художниками, музыкантами...

Медицина есть энциклопедия жизни, и все сложные и разнообразные стороны жизни и деятельности человека, в его прошлом и настоящем,—все нашло и получило свое отражение во врачебной науке и в многовековой жизни и деятельности врача. Перед кем же, как не перед врачом, проходила и проходит во всех ее проявлениях вся жизнь человека? Кто же, как не врач, видит перед своими глазами рождение, жизнь и смерть, здоровье и болезнь, боль, страдания и радости, все величие и всю ничтожность человеческой души и все это—все в новых формах и проявлениях?! Перед кем же, как не перед глазами твоими, глазами врача, проходит вечно волнующаяся и вечно изменчивая со всеми страданиями и радостями, великим возвышением и глубоким падением вся жизнь человека?! Ты слышишь первый крик ребенка и последний вздох умирающего, ты видишь всю глубину и тяжесть человеческих страданий, и людские слезы, и безысходное горе... Твой дух, великий дух врача, в многовековом историческом развитии врачебного искусства испытал и изведал всего человека. Все находило отклик, все находило отзвук в твоей многосторонней и многогранной душе—и труды мудрецов, и преданья седой старины, и творения искусств. От всех их ты взял, ты впитал наиболее ценное. Возникший и выросший из потребностей природы, сын природы, ты был близок к ней, изучал ее и брал от нее полезное, и в твоей душе находили отражение ее жизнь и явления. Прошли и проходят времена, исчезли и исчезают с лица земли народы и государства, меняются формы жизни, меняется медицина, но сущность врача, великий дух его, великий и прекрасный образ всегда был, есть и будет, пока жив человек на земле.